

Горький и «Колхозник»

Десятки писем поступают ежедневно в редакцию журнала «Колхозник». Письма идут из Сибири и с Волги, из Крыма и Белоруссии, с Дальнего Востока и Украины. Пишут колхозники, колхозницы, красноармейцы, сельские учителя, агрономы.

Мы просмотрели сто писем, поступивших в редакцию журнала в самые последние дни. В этих письмах — и слова одобрения, и дружеская критика, и читательские требования.

«На протяжении года, — пишет агроном Юрченков из колхоза «Жовтень», Киевской области, — я исправно получаю журнал, и как только получу, сразу прочитываю весь журнал с большим интересом. Много материалов литературных и научных я прочитываю колхозникам вслух, они внимательно слушают и одобряют журнал».

Сельский учитель тов. Голобородько, из села Капустинцы, Харьковской области, пишет:

«Для меня журнал служит самым ценным материалом как для бесед среди колхозников, так и для моей работы как учителя. ...Следовало бы побольше помещать материала по начальной истории, истории древних веков, средних и по истории народов СССР».

«Я читаю журнал с первого номера и очень его полюбил, — пишет колхозник Иван Корепанов из деревни Девятьярово, Просницкого района, Кировского края. — Все в журнале заботливо продумано и дает большое удовлетворение. Во всем сквозит забота о человеке».

Если рядовой колхозник Иван Корепанов почувствовал в журнале заботу о человеке, внимание к массовому крестьянскому читателю, то первейшая заслуга в этом принад-

лежит Горькому — редактору. Язык журнала, иллюстрации, красочные вклады, постановка отделов — все это составляло предмет постоянных забот Алексея Максимовича.

«Нам нужно очень хорошо продумать: для кого и почему работаем, какого результата желаем добиться», — не уставал повторять работникам редакции Горький. Особенно восставал он против тех «граждан литераторов», которые пытались спихнуть в журнал второстепенный материал. В одном из писем в редакцию Горький писал:

«...я решительно против «снисходительных» оценок произведений граждан литераторов, не способных понять, что первый журнал для колхозников должен дать отличный и серьезный материал».

Самые суровые требования предъявлял Алексей Максимович к произведениям, печатаемым в журнале. В первую очередь эти требования относились к языку произведений. Горький решительно восставал против всякого коверканья «простого и точного языка литературы», против ненужного загромождения языка всякого рода провинциализмами. Характерно в этом отношении письмо Алексея Максимовича по поводу одного рассказа, присланного в редакцию журнала «Колхозник». Обрушившись на автора за то, что язык его изобилует «местными речениями», Горький писал:

«...это щегольство словами, которые употребляют десятки тысяч из ста семидесяти миллионов людей — совершенно недопустимо в беллетристике, которая ставит целью своей «искусство», а не «этнографию». Авторам, а также и редакторам, следовало бы помнить, что читатель становится все более грамотным и начинает говорить все более литературным языком, как

это явствует из речей на съездах рабочих и колхозников. А авторы ошибаются, когда они считают себя обязанными упрощать точный, простой язык литературы — различным хламом. Редактора должны бы безжалостно воевать против этого щегольства бедняков».

Для всей деятельности Алексея Максимовича в журнале «Колхозник» характерна большая его забота о читателе-колхознике. Знания предмета, о котором пишешь, абсолютной точности изложения требовал Алексей Максимович от каждого автора, как бы он ни был именит. И немало суровых слов было высказано Горьким по адресу тех литераторов, которые забывали эти элементарные требования.

«Два с половиной десятка рукописей, прочитанных мною, — писал он, — говорят о том же, о чем говорили и рукописи, читанные прежде, а именно:

— сотрудники журнала не имеют ясного представления о людях, для которых они пишут...

Неясность представления авторов о том, для кого и для чего они пишут, дополняется неясностью их представления о материале, который они «описывают». Вот, например, «огромная змея питон». Следовало бы отметить, насколько она огромна, ибо есть питоны длиной в несколько десятков фут. Питон, который может задавить сразу двух детенышей обезьян — крупная змея. Она не может задавить их на «ветви дерева», ей для этого нужна земля, плоскость. Она не может влезть «по обратной стороне дерева», т. е., очевидно по одной его стороне — ибо она влезает на дерево, изгибаясь спирально.

Вот такая змея постыдной небрежности действует почти в каждой рукописи. Как

уничтожить эту отвратительную рептилию? По этому вопросу нужно устроить небольшое собрание в ближайшие дни».

Борясь за то, чтобы печатаемые в журнале материалы как можно лучше доходили до читателя, Алексей Максимович немало внимания уделял иллюстрациям. Формалистские выкрутасы отдельных художников подвергались его уничтожающей критике. Вот выдержка из одного письма Алексея Максимовича:

«...к очерку Финка даны вполне грамотные рисунки, но тот же художник к трагедии погрома дал какие-то комические фигурки. Кто эти пятеро, из коих один — с портфелем, двое — в котелках, один — с гранатами или бутылками и один первый раз в жизни взял палку в руки и не умеет ее держать? Зачем человек влез на крышу и бьет себя по лбу кирпичом? Художник не видел печных труб, не знает формы кирпича. Зачем в кирпичную трубу вставлена железная? Все это, конечно, мелочи. Но они-то и указывают некий, весьма крупный недостаток работы редакционной. Товарищи, я ворчу не зря: нам нужно очень хорошо продумать: для кого и почему работаем, какого результата желаем добиться?»

Если были хоть какие-нибудь опасения, что иллюстративный материал не будет понят читателем, Горький требовал подробных и правильных пояснений. Когда в 1935 году готовился № 6 журнала «Колхозник» и намечались две красочные вклады — репродукция картин: Поленова — «Право господина» и Ретина — «Арестанта везут», Горький писал редакция:

«Красочные вклады требуют объяснений. Что значит «право господина»? У господ, как известно, было очень много прав, — которое из них намерен осуществлять господин на картине Поленова? Покупает он девиц или назначает в продажу? Или — в подарок соседу, сызерену? Нужно было рассказать коротенько о праве первой ночи, о происхождении и формах применения его. Картина «Арестанта везут»

тоже требует объяснения ее смысла. В данном ее виде она может вызвать у хозяйственного крестьянина только одну дельную мысль: «Вот как, сукины дети, лошадей мучили!» Картинка, вообще, не из удачных: «колымаг» таких, как изображенная Репиным, не существовало. Отбор вкладок нужно делать более тщательно и не ограничиваться только русской живописью».

Забота о читателе не оставляла Алексея Максимовича и при определении программы самого трудного, сложного отдела журнала — научного. В первом письме по поводу издания журнала «Колхозник» Горький писал:

«Надо, чтоб колхозное крестьянство знало, что делает для него наука, которую в Союзе советов двигает все большее количество детей трудового народа. Надо знать все, что можно знать, все, что способно вооружить наш разум для дальнейшего развития его силы, потому что только эта сила облегчает наш труд, только она с избытком дает трудящимся все, в чем они нуждаются, и делает их довольными жизнью и непобедимыми никакими врагами».

К этой теме Алексей Максимович возвращался неоднократно. Он требовал таких статей научного характера, которые дали бы возможность читателю получить ответы на вопросы,

«о которых он еще не начинал думать, а именно:

На чем живем?

Чем живем?

Почему живем?

И отсюда перейти к вопросу:

Зачем живем?

То есть: дать картину работы человеческого по созданию второй природы, организованной и организуемой его волей, его разумом. Отсюда уже естественно открывается широчайший простор для рассказа о том, почему процесс борьбы человека с природой за жизнь протекал так медленно.

Наш ответ ясен: потому что борьбу эту масса трудового человечества вела безоружно и неорганизованно, потому что коман-

дующие классы пользовались ею исключительно, как физической силой, а отрывая из ее среды наиболее одаренных, — вынуждали их работать на укрепление своекорыстной власти командующего класса, который, эксплуатируя сокровища природы, никогда не ставил перед собою и не мог ставить как цель развитие познавательных способностей всех людей ради победы над всеми силами природы и т. д.

Впервые в мире цель эта поставлена Лениным, Сталиным, большевиками».

Это письмо Алексея Максимовича заканчивалось следующими словами: «Записку эту вы возвратите мне, сняв с нее копию, я, может быть, напишу нечто вроде воззвания к ученым». К сожалению, этот замысел не был осуществлен: воззвания к ученым Алексей Максимович не написал.

Письма Горького редакции журнала «Колхозник», его работа над рассказами и очерками, помещавшимися в журнале, представляют огромный интерес. В них высказаны замечательные мысли гения, которого выдвинул русский народ. Вся работа Горького в журнале «Колхозник» пронизана огромной любовью к колхозникам, строителям новой, социалистической деревни. Горький заложил прочную основу журнала.

После выхода первого номера журнала в свет и появления в печати хвалебных рецензий Горький писал коллективу редакции:

«Увлечаться хвалебными рецензиями на первую книжку не следует. Вам известно, что рецензент, это — человек, который плохо читает. Возможно, что хвалебный тон рецензии объясняется еще и тем, что в журнале сотрудничает Горький, человек уже как бы не подлежащий критике, но вполне и давно достойный некролога. Это я — шучу».

Горького нет. Ответственность коллектива журнала возросла во много раз. Большое и нужное дело делает журнал «Колхозник». Надо, чтобы работники журнала крепко помнили требование Горького: видеть всегда перед собой читателя-колхозника, знать, «для кого и почему работаем, какого результата желаем добиться».

«Колхозник» 1936, 16 дек.